

В диссертационный совет Д 999.161.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданный на базе ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского» по адресу: 644043, г. Омск, ул. Партизанская, 4а

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации **Груздинской Виктории Сергеевны** «**Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.**» (Омск, 2020; специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования), представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Исследование феномена советской исторической науки продолжает оставаться в поле активного внимания историографов. Представленная к защите диссертация В.С. Груздинской привлекает к себе в силу целого ряда причин и обстоятельств. Прежде всего, постановкой проблемы формирования профессионального сообщества историографов, решая которую автор активно включается в научную полемику по целому ряду проблем, обсуждаемым в связи с означенным феноменом. Далее. Перед нами опыт представителя поколения, сформировавшегося в социокультурной среде постсоветского времени, которое может смотреть на предмет изучения «со стороны».

Особо подчеркну и то, что автор, являясь воспитанником научной историографической школы, сложившейся под руководством проф. В.П. Корзун в Омском государственном университете, продолжает ее традиции изучения внутренней социальности науки, научных сообществ с их особой субкультурой, механизмами функционирования, коммуникативными связями и т.п. Эта принадлежность к школе проявилась в *мобилизованном теоретико-методологическом инструментарии*, в *умении видеть* как достижения историографов-предшественников, так и *«болевые точки»*, *неотрефлексированные проблемы*, актуализирующиеся в новых условиях

развития историознания, в *максималистском* стремлении решать поставленные задачи на всем доступном источниковом материале.

Автор уверенно себя чувствует на всех заявленных исследовательских полях, применяя достижения теоретических исканий и неoinституционалистов, и представителей интеллектуальной истории, и современного науковедения с его особым вниманием к проблеме дисциплинарности. Особо подчеркну значение поиска автором решения поставленного практикой историографических исследований вопроса, «как соединить разные концы коммуникационных “нитей”» (с. 7), который вылился в продолжение усилий представителей омской историографической школы (В.П. Корзун, Д.М. Колеватов, В.Г. Рыженко, А.В. Свешников и др.) по выработке типологии научных коммуникаций. Автор подчеркивает значение изучения различных уровней коммуникаций, «плотности» коммуникативного поля, проблемы сплоченности изучаемого научного сообщества. Важно обращение к методу «case study», значение которого для историографических исследований автор этих строк прокламировал в начале 2000-х гг. (см. об этом: Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в. Омск, 2001. С. 54-55), но явно недостаточно вовлекаемый в исследовательскую практику. В результате диссертант успешно решает поставленные задачи на основе реально работающей методологии, работающей как на макро– так и на микроуровне, позволяющей преодолевать, скажем, ограниченности, присущие классическому институционализму, выходя на проблемы деятельности субъектов.

Понятно, что методологические позиции составляют сущностную предпосылку движения автора к новому прочтению той или иной проблемы, но основой все же, позволяющей представить современное, оригинальное исследование многослойного интеллектуального процесса, каким является история советской историографии как научной дисциплины, является качество источникового корпуса. При этом речь идет не только о значительном перечне архивов и фондов, с которыми работал автор (НА ИРИ РАН, АРАН, НИОР РГБ, ГАСО, ОР РНБ, РГАСПИ, РГАЛИ, ГЦМСИР), а о проведении работы по выявлению документов¹, научной обработке,

¹ В частности, отмечу факт выявления тех документов (в их числе и «...*девять стенограмм “историографических сред”, хронологически охватывающих период первой половины 1960-х гг.*» (Груздинская В.С. Дис., стр. 29), о которых предшественница В.С. Груздинской, К.П. Яркова, писала: «Печально обстоят дела с архивными материалами о деятельности Научного совета. Архив Совета существовал, и нами было установлено его местонахождение – Отдел рукописных фондов Института российской истории РАН. Однако в книгохранилище Института нам не удалось обнаружить ника-

систематизации и формировании единиц хранения и т.д. Возможность использовать новые источники наряду с широким кругом опубликованных источников позволило автору обоснованно показать, в каких условиях шло развитие исторической науки в СССР, проследить процесс возникновения и судеб историографических институций, выявить роль ученых и т.д.

Четко поставленным цели и задачам соответствует структура работы. В первой главе автор исследует место и роль историографии на начальном этапе ее институционализации в интеллектуальном пространстве СССР, в довоенный период, во второй – дан анализ дисциплинизации историографии в хронологических рамках, вынесенных в название диссертации, прослежена последовательная история двух ведущих институций – Комиссии по истории исторической науки и Научного совета по проблеме «История исторической науки»; третья глава посвящена коммуникативному, предметному и коммеморативному аспектам дисциплинарной истории.

Не перелагая богатого содержания, отмечу некоторые достижения диссертанта, прежде всего важные с точки зрения научных интересов рецензента, с которыми, на мой взгляд, должны считаться, кто будет обращаться к изучению и преподаванию истории исторической науки в СССР, истории отдельных периодов истории страны вообще, а также решать теоретические проблемы методологии истории науки и науковедения:

- впервые в таких хронологических рамках рассмотрен процесс дисциплинаризации историографии;
- впервые рассматриваются в единстве институциональный, предметный и коммеморативный аспекты дисциплинаризации;
- впервые поставлена проблема формирования профессионального сообщества историографов, связанности этого процесса с институциональным обустройством научного сообщества, с выяснением каналов такого формирования (в частности, автором выяснена роль коммуникативных площадок: конференций, «историографических сред», научных изданий и т.п.);

ких материалов о деятельности Научного совета. Из разговора с Л.А. Сидоровой мы выяснили, что архив был не обработан, но представлял собой большой массив документов, содержащих стенограммы и протоколы обсуждений вариантов рукописей и глав «Очерков истории исторической науки в СССР»... Она также подтвердила предположение заведующей отделом рукописных фондов Е.И. Малето о вероятности утраты документов, связанной с затоплением книгохранилища» (Яркова К.П. Научный совет "История исторической науки" отделения истории Академии наук СССР (1958-1985 гг.): возникновение, деятельность, итоги. Автореф. дис. ...к.и.н. Нижний Новгород, 2009. С. 10-11). Надежда К.П. Ярковой, «...что эти материалы когда-нибудь "всплывут" на радость исследователям», реализована усилиями соискателя.

– обозначена проблема региональной организации историографического сообщества, которая уже давно просится быть поставленной и исследованной. Формулирую данный тезис специально, в том числе с целью означения перспектив исследований диссертанта;

– выявлена и описана «нарративная матрица» советской историографии, определены ее черты, факторы стабильности, влияния на нее отношений между наукой и властью, а также причины, вызовы времени, ведущие к кризису «канона», его преодолению.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на обстоятельство, которое мне, как не только свидетелю, но и участнику исследуемой истории хорошо видно в силу находимости «внутри» процесса², в то время как автор, как говорилось выше, находится «вне» его.

Описывая «матрицу», автор заключает: «В исследованиях советских авторов историографический процесс изображался как поле идеологических битв между «своими» и «чужими»... одним из основных «врагов» были провозглашены представители «буржуазной науки»...» (автореф. С. 15). Все верно. Историю противостояния «своих» и «чужих», точнее, ее фрагмента, автор интересно представил в разделах, посвященных кампании по борьбе с «буржуазным объективизмом» и «космополитизмом», о трансформации образа М.Н. Покровского в советской историографии. Однако значение идеологического противостояния на историческом фронте (именно *фронте!*) было более масштабным, оно было ведущим в процессе развития советской историографии, проходя, конечно, свои этапы. И это направление стало особым полем ответственности историографов и исследуемых институций, о чем неустанно напоминали и их руководители, призывая вести «...наступательную борьбу против антикоммунизма, ...критику буржуазных и ревизионистских теорий...»³. Разумеется, это поле за последние два десятилетия изучено (в том числе усилиями проф. В.П. Корзун и ее учеников), но тем не менее это одна из тем, требующая своего специального исследования. Данный тезис выдвигается в процессе полемики.

² Мое поколение и на студенческой/аспирантской скамье, и став преподавателями постоянно слышали о «необходимости усиления критики чуждых нам буржуазных концепций», как то подчеркивалась в решениях и XXII, и XXIII, и XXV, и последующих съездов КПСС. Естественно, критика буржуазных концепций превращалась и в ведущую функцию историографии, и задачу тех, кто работал на этом поле.

³ XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. [Сб. материалов Всесоюзной конференции преподавателей историографии высших учебных заведений СССР]. Калинин, 1978. С. 25.

Подводя итог, следует подчеркнуть: перед нами итог многолетнего труда исследователя. Сужу об этом, поскольку слежу за творчеством соискателя с его студенческой скамьи, вижу его активную публикаторскую деятельность, что позволяет говорить о исключительно полной презентации материалов диссертации в многочисленных публикациях. Одна из работ автора из числа пяти публикаций в рецензируемых изданиях была издана в «Ученых записках Казанского университета», получив высокую оценку рецензента. Автореферат соответствует содержанию диссертации и выполнен согласно действующим правилам.

Итак, представленное исследование является самостоятельным, научно значимым, законченным исследованием. Оно имеет большую практическую значимость, предлагая решения ряда теоретических вопросов историографии и науковедения и может быть использована при подготовке общих и специальных курсов по историографии, интеллектуальной истории России, при написании исследований и учебных пособий.

Сказанное дает основание утверждать, что представленная работа полностью соответствует требованиям пп. 9–14 положения «О порядке присуждения ученых степеней» утвержденного Постановлением правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 в действующей редакции. Автор ее, Груздинская Виктория Сергеевна, заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Даю согласие на включение своих персональных данных в аттестационное дело соискателя.

Мягков Герман Пантелеймонович,
доктор исторических наук (07.00.09),
профессор Казанского инновационного
университета имени В.Г. Тимирязова

Домашний адрес:

420015, г. Казань, ул. М. Горького, д. 17, кв. 18

e-mail: gmyagkov@yandex.ru

22.01.2021 г.